

ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ НАМЕРЕНИЯ НА ЭМПИРИЧЕСКОМ УРОВНЕ

© 2011

А.З. Джанашиа, старший преподаватель кафедры педагогики детства и семьи
Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова, Могилев (Беларусь)

Ключевые слова: личность; интенциональность; намерение; эмпирическое исследование; естественный эксперимент; проективные методики; моделирование ситуаций; комплексный подход.

Аннотация: статья содержит анализ подходов к изучению намерения как психического образования. Рассматриваются экспериментальные схемы изучения ситуаций образования намерения, особенности протекания деятельности по намерению. В статье обсуждается возможность исследования самостоятельных намерений субъекта посредством опросных методов, основанных на принципе проекции (использование неоконченных предложений). Проективные методики рассматриваются как инструмент выявления и регистрации намерений личности.

В последнее время в психологической науке преобладает общая методологическая установка на рассмотрение роли внутренних возможностей человека [1; 10; 5]. Одним из наиболее существенных проявлений его как субъекта является интенциональность, позволяющая субъекту принимать решения относительно будущего и обязательно предполагает активные действия, а не только пассивное желание. Интенциональность субъекта находит свое выражение в его намерении как сознательном стремлении, выполняющем функцию побуждения и планирования поведения и деятельности человека. Намерение как психическое образование содержит аффективный (побудительный) и интеллектуальный (планирующий) компоненты.

Трудности эмпирического изучения намерения обусловлены следующими его специфическими особенностями: неустойчивостью, гибкостью (модифицируемость), неполной инструментализацией (недостаточное соизмерение человеком своих намерений со своими возможностями) [4]. Цель данной статьи – рассмотреть возможные инструменты психологического изучения намерения как важнейшей характеристики личности.

В психологии сложилось два основных подхода к изучению намерения и особенностей его выполнения (невыполнения). Одни исследователи предпринимали попытки изучать намерение человека с помощью естественного и лабораторного эксперимента (К. Левин, Г.В. Биренбаум, Б.В. Зейгарник, Л.И. Божович, Л.С. Славина, Дж. Мичам, А. Беддели, Л.Дж. Квалилашвили), другие – с помощью опросных методов основанных на проективном подходе (Ж. Нюттен, А.Б. Орлов, Н.Н. Толстых, Р. Эммонс, Г.З. Сураева).

Экспериментальные исследования были посвящены проблемам природы намерения, его функций и особенностей реализации. Значительными являются исследования К. Левина и его сотрудников – Г.В. Биренбаум, Б.В. Зейгарник, Ф. Хоппе. Проведенные ими эксперименты отличаются тем, что они основаны на наблюдениях из жизни. «Эксперимент заключался в создании экспериментальной ситуации как взаимодействия, как общения между испытуемым и экспериментатором; ...он был построен так, чтобы реализовались особенности личности испытуемого, его саморегуляции, критичности, самооценки...» [6, с. 51].

Основание для такого построения экспериментов состоит в особенностях изучаемых объектов: динамические образования и состояния личности, которые возникают в ходе деятельности и общения человека. Одним из таких объектов анализа выступило намерение и его забывание (Г.В. Биренбаум, 1931). В опыте испытуемым предлагалось выполнять серию различных письменных заданий, в одном из которых от испытуемых требовалось поставить свою монограмму. В результате, намерение поставить подпись почти всегда забывалось ими. Автором были выявлены факторы, влияющие на действенность намерения. Наиболее существенные из них – значимость намерения и его эмоциональная окрашенность [17].

Схемы экспериментов, проведенных в школе К. Левина, частично применялись в исследованиях Л.И. Божович, Л.С. Славиной, посвященных проблеме образования намерений и особенностей их исполнения у детей. Подход К. Левина, однако, считался ими недостаточно полным и эффективным в силу того, что в нем игнорировался опыт человека, особенности его личности, уже имеющиеся у него потребности, стремления. Создаваемые исследователем в эксперименте потребности лишены жизненного содержания, в результате чего «он [К. Левин – прим. А.Д.] не смог “перевести мост” между истинными потребностями человека и создаваемыми в эксперименте квазипотребностями» [8, с. 18]. Действительно, в исследованиях учеников Левина указывается, что «необходимым условием действенности намерения является его значимость для испытуемого, в основе которой лежит мотивация деятельности...» [6, с. 51]. Однако нередко в ситуации эксперимента мотивом выполнения испытуемым своего намерения выступала инструкция и ответственность перед экспериментатором.

Л.И. Божович был разработан оригинальный подход экспериментального изучения потребностей, целей и намерений. В отличие от позиции К. Левина, исследование личности, по Л.И. Божович, предполагает определение «реальных, формирующихся в процессе жизни и деятельности человека потребностей и мотивов; необходимо моделировать их в эксперименте, а затем снова возвращаться к анализу их роли в поведении и деятельности индивида, и устанавливать их функцию в формировании его личности» [8 с. 18]. Цели и намерения человека, их превращение в мотивы поведения более успешно изучаются в естественных условиях, внутри той деятельности, которая ему привычна и известна. Более того, как доказано исследованиями Л.С. Славиной, глубокое изучение намерения и его динамики и особенностей реализации вне зависимости от его природы (самостоятельно принятое субъектом, либо сформированное экспериментатором), возможно в случае соответствия намерения актуальной или потенциальной потребности испытуемого [8].

Проблема создания естественных условий для изучения намерения и особенностей его реализации (забывание/вспоминание намерения) рассматривается в работах Л.Дж. Квавиллашвили. По мнению автора, изучить особенности выполнения человеком своего намерения возможно именно в той ситуации, которая является естественной для его проявления: «необязательно включение опытов в русло повседневной жизни, главное, чтобы исследуемое явление изучалось в естественной ситуации» [9, с. 142]. В

лабораторных условиях изучение образования намерения и его выполнения сопряжено с большими, а в некоторых случаях даже с непреодолимыми трудностями, поскольку, во-первых, невозможно контролировать поведение испытуемых во время «латентного периода», вне лаборатории, во-вторых, испытуемый должен действовать по инструкции экспериментатора, что нарушает «экологическую валидность» результатов исследования [9].

Анализ экспериментальных ситуаций позволяет сделать промежуточный вывод: испытуемый не всегда имеет возможность свободно высказать свои намерения, так как он включался в предложенную экспериментатором деятельность. Таким образом, не удается установить проявления интенциональности личности. Исследование самостоятельных намерений и целей личности представляется возможным на основе проективного подхода [15; 14; 18]. Принято считать, что проективные методики применяются не столько для диагностики реального поведения личности, сколько для поиска подходов к ее внутреннему скрытому миру – переживаниям, мыслям, состояниям. Однако названный подход позволяет получить также данные о характере целеполагания личности, об организации близких и дальних целей, о способах их достижения. В изучении намерений субъекта, в частности, используются опросники с применением неоконченных предложений, либо основанные на приеме моделирования будущей ситуации, в главной роли в которой может выступать сам испытуемый или специально подобранные воображаемые персонажи.

Преимущество опросной проективной методики заключается в том, что исследователь задает с ее помощью лишь установку на свободное высказывание, а испытуемый может выразить свои желания, стремления, цели. Применение проекции помогает экспериментатору преодолеть некоторые психологические защиты, выстраиваемые испытуемым, поскольку собственные желания, стремления, намерения являются достаточно интимной стороной его личности. Прямой метод оценки целей и намерений предполагает, что человек способен открыть, отрефлексировать и точно сообщить свои цели, делая это правдиво и без психологических защит. Однако, как отмечает Р. Эммонс, данный процесс «открыт для множества искажающих влияний, включая бессознательные (или неосознаваемые) мотивационные факторы, самообман или обман других» [19, с. 78].

Наиболее информативным диагностическим инструментом для сбора данных о намерениях испытуемого является методика МИМ («Metode d'Induction Motivationnelle»), разработанная Ж. Нюттеном [16]. С ее помощью возможно диагностировать целевые компоненты деятельности и временную перспективу испытуемого как совокупность его «проектов». Методический материал представляет собой набор неоконченных предложений, состоящий из 20 предложений положительного характера (типа «Я намерен...», «Я хочу...», «У меня есть большое желание...») и 10 – отрицательного («Я не хочу...», «Я не желаю...»). Методика Ж. Нюттена успешно применялась в психологических исследованиях А.Б. Орловым (1978), М.В. Матюхиной (1984), Н.Н. Толстых (1988, 2005), Л.А. Ругуш (2003), что указывает на ее апробированность в условиях нашей социальной ситуации, а также надежность получаемых с ее помощью данных [12; 13; 14; 16].

Для анализа получаемых при помощи МІМ материалов Ж. Нюттеном разработаны два кода – темпоральный (временной) и код анализа содержания мотивации. Операция темпорального кодирования состоит в том, чтобы каждому мотивационному объекту (цели, стремления, мечты) о котором думает субъект приписать свой временной знак, даже если он не указывает точного времени его реализации. Мотивационные объекты (желания, цели, намерения) могут располагаться в психологическом будущем, настоящем или прошлом.

Безотносительно к временной локализации, мотивационные объекты могут быть классифицированы по содержанию. Автор выделяет 10 главных категорий, имеющих значение для кодирования содержательной стороны мотивации: *S* – тот или иной аспект личности самого субъекта; *SR* – активность связанная с саморазвитием, самореализацией, развитием своей личности или каких-либо ее сторон; *R* – активность, направленная на достижения результатов в учении, профессиональной деятельности; *C* – все, что касается контактов с другими людьми, общения; *E* – активность, связанная с познанием; *T* – цели, имеющие религиозную направленность; *P* – мотивация, связанная с приобретением материальных ценностей; *L* – активность, связанная с отдыхом, досугом; *Tt* – все, что касается ситуации тестирования; *U* – неклассифицируемые ответы.

Следует отметить, что методика Ж. Нюттена позволяет зафиксировать лишь наличие намерений и сферы жизни и деятельности, в которые будут направлены действия субъекта, за рамками опроса остается природа намерения и его динамика. Однако преимуществом данной методики является гибкость в применении и обработке. Как отмечает и сам автор методики, и психологи, использовавшие ее в научных и практических целях, «в зависимости от целей и задач исследования некоторые особенности мотивации могут анализироваться более детально, другие – более обобщенно», возможно изменение способов обработки результатов в зависимости от целей исследовательской работы [16, с. 87].

На приеме неоконченных предложений основана также методика по оценке личностных стремлений, разработанная Р. Эммонсом [19]. Согласно автору, одним из эффективных способов описания человека является анализ его намерений и целей, которые он пытается реализовать в повседневном поведении. Оценка личных целей начинается со свободного составления испытуемыми перечня своих интересов, задач, стремлений. Исследователь приводит испытуемому определение стремления, называет несколько примеров личных стремлений. После этого в специальной матрице взаимосогласованности целей ему необходимо самостоятельно оценить стремления по нескольким предлагаемым параметрам: «радость», «огорчение», «важность», «успешность в течение последнего времени» и др. Далее респондента просят для каждой цели определить «степень их инструментальности» или степень конфликтности между целями. Важно отметить, что в исследованиях Р. Эммонса обсуждается проблема колебания приверженности личности своим целям, «в особенности тем, которые не являются центральными» [19, с. 71]. Однако, по замечанию автора, недостаточная стабильность целей как психологический процесс не обязательно предполагает недостаточную надежность собранных данных [19, с. 71].

Прием моделирования будущей ситуации для изучения способности детей к внутреннему планированию, как психологическому механизму образования и реализации намерения, успешно применялся в исследованиях Л.И. Божович и ее сотрудников [3]. Испытуемым младшего школьного возраста предлагалось закончить небольшие рассказы, в которых описывались знакомые им школьные ситуации. Персонажи (имеют тот же возраст и социальный статус, что и испытуемые) ставились в условия выбора взаимоисключающих решений: одно из них обуславливается непосредственным желанием, другое связано с соображениями морального порядка. Далее экспериментатор ставил перед школьником вопрос: какое из решений следует предпочесть и почему? На основе полученных данных, автор делает вывод о том, что «предвидение будущего имеет характер модели возможных жизненных ситуаций, способных вызывать определенные эмоциональные переживания» [3, с. 64]. Эти переживания, согласно Л.И. Божович, выступают в качестве дополнительных мотивов, побуждающих школьника к выбору поступка и к образованию соответствующего намерения. В результате исследований по этой проблеме было уточнено и дополнено определение самого намерения, понимаемого как «некоторая (пусть даже временная) функциональная система, в которой аффект и интеллект образуют единое нерасторжимое целое» [3, с. 64]. Исследователями также отмечается, что значительную роль в моделировании предложенных ситуаций играет личный опыт испытуемого или опыт его сверстников, который он мог наблюдать.

Рассматриваемый прием был использован В.М. Сobotковской и Ф.И. Иващенко в исследовании, посвященном проблеме мотивации воздержания подростков от асоциальных поступков в провоцирующих ситуациях [7]. Учащегося опрашивали не о его поведении, а на предмет поведения воображаемого ровесника: испытуемому предлагалось две ситуации, явно провоцирующих на противоправные поступки, после чего им необходимо было смоделировать поведение персонажа. В результате беседы о «другом подростке» экспериментатор делает предположительный вывод о намерениях самого испытуемого, их устойчивости в возможной реальной ситуации. Полученные данные находят подтверждение в положении Л.И. Божович о внутреннем плане действия как механизме реализации намерения.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что изучение намерения, как специфической цели, требует соответствующего подхода в подборе инструментов исследования, и, собственно, его организации. Наиболее эффективным, по нашему мнению, будет комплексное использование проективных опросников и естественного эксперимента [4]. Такой подход обусловлен спецификой намерения: его динамичностью и неустойчивостью. Проективные методики помогают исследователю регистрировать намерения субъекта в той или иной области жизни и деятельности, а в естественном эксперименте (на основе данных опроса, беседы) изучать инструментальную сторону направленности личности, в том числе содействовать более глубокому осознанию ценности направления и действий, необходимых для реализации планов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абульханова-Славская, К.А. Состояние совре-

менной психологии: субъектная парадигма / К.А. Абульханова-Славская // Теория и методология психологии: постнеклассическая перспектива / отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. – М.: Институт психологии РАН, 2007. – С. 428-450.

2. Абульханова-Славская, К.А. Типология активности личности в социальной психологии / К.А. Абульханова-Славская // Психология личности и образ жизни. – М.: Наука, 1987. – С. 10-13.

3. Божович, Л.И. Опыт экспериментального изучения произвольного поведения / Л.И. Божович, Л.С. Славина, Т.В. Ендовицкая // Вопросы психологии. – 1976. – №4. – С. 58-64.

4. Джанашиа, А.З. Методика изучения намерения подростков заниматься самовоспитанием / А.З. Джанашиа // Психологический журнал. – 2008. – №4. – С. 3-9.

5. Ермакова, И.В., Цукерман, Г.А. Типы поисковой активности учащихся в начальной и основной школе / И.В. Ермакова, Г.А. Цукерман // Вопросы психологии. – 2010. – № 1. – С. 15-23.

6. Зейгарник, Б.В. Об эксперименте в школе К. Левина / Б.В. Зейгарник // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 1987. – №1 – С. 48-61.

7. Иващенко, Ф.И. Мотивация поведения учащихся в ситуациях, которые провоцируют асоциальное поведение / Ф.И. Иващенко, В.М. Сobotковская // Адукацыя і выхаванне. – 1997. – №1. – С. 57-60.

8. Изучение мотивации поведения детей и подростков / Под ред. Л.И. Божович, Л.В. Благонадежиной. – М.: Педагогика, 1972. – 352 с.

9. Квавилашвили, Л.Дж. Вспоминание намерения как особая форма памяти / Л.Дж. Квавилашвили // Вопросы психологии. – 1988. – №2. – С. 142-146.

10. Леонтьев, Д.А. Новые ориентиры понимания

личности в психологии: от необходимого к возможному / Д.А. Леонтьев // Вопросы психологии. – 2011. – № 1. – С. 3-27.

11. Мандрикова, Е.Ю. Виды личностного выбора и их индивидуально-психологические предпосылки: автореф. дисс. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / Е.Ю. Мандрикова. – М., 2006. – 22 с.

12. Матюхина, М.В. Мотивация учения младших школьников / М.В. Матюхина. – М.: Педагогика, 1984. – 144 с.

13. Орлов, А.Б. Изучение психологических предпосылок развития склонностей к профессионально трудовой деятельности (на материале профтехучилищ): автореф. дисс. ... канд. психол. наук: 19.00.07 / А.Б. Орлов. – М., 1978. – 17 с.

14. Регуш, Л.А. Психология прогнозирования: успехи в познании будущего / Л.А. Регуш. – СПб.: Речь, 2003. – 352 с.

15. Сураева, Г.З. Психологические особенности мотивационно-смысловой интенции личности (социокультурный аспект): дисс. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / Г.З. Сураева. – М., 2001. – 139 л.

16. Толстых, Н.Н. Использование метода мотивационной индукции для изучения мотивации и временной перспективы будущего / Н.Н. Толстых // Психологическая диагностика. – 2005. – №3. – С. 77-94.

17. Фрейджер, Р. Личность. Теории, упражнения, эксперименты / Р. Фрейджер, Дж. Фейдимен / Пер. с англ. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2006. – 704 с.

18. Харламенкова, Н.Е. Исследование целеполагания методом проекции / Н.Е. Харламенкова // Психологический журнал. – 1995. – Т.16. – №5. – С. 51-59.

19. Эммонс, Р.А. Психология высших устремлений: мотивация и духовность личности / Р.А. Эммонс / Пер. с англ. / Под ред. Д.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2004. – 416 с.

THE PROBLEM OF LEARNING INTENTIONS AT THE EMPIRICAL LEVEL

© 2011

*A.Z. Janashia, senior lecturer in pedagogy children and families
Mogilev State University named after AA Kuleshov Mogilev (Belarus)*

Keywords: personality; intentionality, intention, empirical research, natural experiment, projective techniques, simulations, integrated approach.

Annotation: article contains an analysis of approaches to the study of intentions as mental education. We consider the experimental scheme of studying situations of education intentions, especially leakage of intentions. The article discusses the possibility of investigating the intentions of the subject by independent polling methods based on the principle of projection (the use of incomplete sentences). Projective techniques are considered as a tool to identify and record the intentions of the individual.